

Л.И. Головачёва

(1937–2011)

**ОиГК – Конфуций – Совесть.
К 30-летию одного научного открытия
(отрывок из воспоминаний)**

Этот день помню очень хорошо. Вернулась с работы и лежу в совершенной прострации, просто ни рукой, ни ногой не могу пошевелить. На грудь навалилась какая-то тяжесть. Странно, такое ощущение у меня уже было однажды. Будучи за границей¹, я узнала о снятии Хрущёва. Что там произошло, в нашей стране? Что будет с нами? Такая беспомощность, даже неизвестно ничего. И эта тяжесть раздавливающая.

Но сейчас-то ничего подобного! Никаких событий мирового и союзного значения. Просто середина января 1982 года, и мне только что отказали в командировке в Москву (отказали в моём родном Институте²), на конференцию «Общество и государство в Китае», всегда имеющую место в начале февраля в ИВАНе (Институте востоковедения Академии Наук). Я люблю эту конференцию, с тех пор как впервые побывала на ней в 1975 г., тогда ещё студенткой ЛГУ на преддипломной практике в Москве. В ней бластится мне призрак науки, которой я не нахожу нигде. Может быть потому, что говорят там о вещах мне нравящихся, только я в них несведуща, они дразнят меня. Чань-буддизм, Конфуций – это всё предметы от меня далёкие. Я занимаюсь современной историей КНР, конкретнее, историей так называемой «культурной революции» в Китае, очевидцем которой в течение многих лет мне довелось быть. Конечно, это одно из глубоких впечатлений моей жизни. Темой я увлекаюсь. Недавно, вот, защитила диссертацию, меньше года назад. Кажется, мне что-то удалось схватить, в механизме этой трагедии китайского народа, ставшей моей личной трагедией, разрушившей семью, осиротившей ребёнка. Но

© Головачёва Л.И., 2014

я-то лично из неё «выскочила» – «худой, обритый, но живой», как сказал поэт. «Я ускользнул от Эскулапа, его (какая-то там, не помню) лапа не тяготеет надо мной»³. Я занялась «культурной революцией» как предметом науки. И вот некоторый результат есть, диссертация рекомендована к печати (она никогда не выйдет, дело ограничится «депонированием» в Институте информации⁴, но я этого ещё не знаю). Но смогу ли продолжить работу? Ведь я здесь, на Дальнем Востоке, полностью отрезана от всех источников информации. Они только в Москве. Там – «Берлога Знания». В эту «Берлогу» меня пускают в командировку, снимая после месячного пребывания в столице все дальневосточные надбавки с моей 140-рублёвой зарплаты и выплачивая в сутки 1 рубль квартирных (впрочем, уже два месяца как я получаю 175 рублей – забыла, это же произошло после утверждения меня в звании кандидата исторических наук, оно по каким-то технически причинам подзадержалось). Когда я училась в заочной аспирантуре в Москве, мне удавалось пожить там даже по несколько месяцев, ютясь у друзей (ребёнок дома, существует самостоятельно, получает двойки. Впрочем, это тоже прошло – он уже два года как студент Восточного ф-та ДВГУ. Китаист, как и я, поступил через 4 года после того, как мама покончила со своей авантюрной второй учёбой⁵, поэтому у нас довольно много общего. Моё отсутствие дома его, наверное, нисколько не тяготит). Наука в наших условиях требует жертв. Теперь и аспирантура кончилась. И вот, отказано в командировке! Предлог смехотворный: заведующий другим сектором не сдал плана командировок. Мне даже не отказано совсем – просто задержка. Но конференция-то пройдёт без меня! Эта «просто задержка» – мелкотравчатая «мечь» Директора, Распорядителя Кредитов, членкора⁶. Мы, можно сказать, поссорились. «Зуб» у него на меня, младшего научного сотрудника без степени, давно: он считает, что я «раскалываю коллектив». Из-за этого даже не хотел пускать меня на защиту, но потом смиростивился, широкая душа – надо же, чтобы в институте прибавился кандидат. Правда, он выразил сомнение в том, как я буду вести себя, став кандидатом. Не покривила душой, сказав, что по-прежнему. Всё-таки пустил. Может быть, надеялся на моё «исправление». А я оказалась неисправимой, выступила против него на нашем «демократическом форуме» – отчётном профсоюзном собрании института, всегда проводящемся с помпой.

Мы с сыном живём в общежитии АН на улице Кирова, на самом берегу Амурского залива, на 11-м км от центра города. У нас «гостинка» 18 кв.м. Окно на запад, на залив. Жутко живописно. Картины всё время меняются. Сегодня экспонируется Роквэлл Кент, завтра – Рерих. Не оторвёшься! Наше общежитие (дом 62) и соседний его

корпус – замечательные коробочки в 9 этажей, битком набитые молодыми блестящими (обещающими) учёными, – все из «западных»⁷ престижных вузов. Все приехали сюда «делать науку». И как же мы радовались всем этим «гостинкам»! До них ведь ещё был долгий путь лишений, неизбежных у молодых специалистов. Но прошли годы, семьи растут, а мы – всё здесь. Очередь на квартиры в институте не так чтоб уж очень велика (по сравнению с тем, что будет позже). Не всех-то в неё и ставят, хоть и положено. Но больно уж редко квартиры дают, а самое главное – очередь не соблюдается. Вот и прошлой осенью так было – очередники остались при своих интересах, а квартиру получил Сын Директора. Тут-то я и не выдержала и публично сказала, что это неправильно. Директор моё выступление проигнорировал, но... «в душе затаил некоторое хамство». И что же такое он может мне сделать? Оказывается – командировку задержать! Всего лишь задержать, мелочь какая...

Вот, такие у меня перспективы. Будет ли наука-то? Или уже конец? Всегда так? А я ведь очень уж старательный работник, никогда у меня нет выходных, корплю. Как же ему не со...?

Необыкновенно тяжело. Работать не могу. И на другой день – тоже. И на третий. Всё отложено в сторону – нет настроения. Берусь за чтение. Тут как раз новая книга пришла: «Конфуцианство и легизм в политической жизни Китая» [5]. Автор – Переломов Леонард Сергеевич, маститый учёный, написал книгу о древнекитайском реформаторе Шан Яне. Очень солиден, хотя ещё довольно молод. Заведует в ИДВ сектором традиций. Мне очень хотелось поступить в этот сектор после окончания. Но нет же московской прописки! Это камень преткновения всей нашей востоковедной науки, которая возможна только в «Берлоге Знания». А здесь она всё-таки невозможна, кажется.

Так что же пишет Леонард Сергеевич, потомок знаменитого китайского коммуниста Цзи Чжи, учившегося в Советском Союзе? Как специалист по легизму, одному из течений древнекитайской мысли, он оказался чуть не единственным, кто более или менее разобрался в пресловутом и замысловатом движении «по критике Линь Бяо и Конфуция», разразившемся в Китае в завершение «культурной революции», уже после моего отъезда. Это была волна публикаций, написанных от имени рабочих, входивших в состав специальных групп, исследовавших гнусную деятельность «старикашки Куна», как называли они Конфуция. В университете я по их брошюркам изучала современный китайский язык. Там было много терминов и понятий из древнекитайской философии, незнакомых мне и, думаю, им (рабочим) тоже. Писали-то всё это китайские «философы», плата за возможность выжить в «культурной революции». Сейчас Переломов

анализировал данное «движение». Но своему анализу он предпослал обширные статьи о конфуцианстве и легизме, как их видит научный мир. За границей и у нас. Или наоборот, у нас и за границей. Очень интересно! Конфуция я пыталась читать. В 1972 г. у нас вышла антология «Древнекитайская философия», там были переводы отрывков из «Лунь юй» (Бесед и суждений) Конфуция, составленных его учениками. До этого были ещё отрывки в «Антологии мировой философии», которую мы штудировали в бытность мою на философском факультете ЛГУ в качестве студентки-заочницы. Скучные беседы, не за что ухватиться. Но совершенно поразила меня статья некоего Рубина⁸ в «Новом мире», появившаяся тоже в пору моего философского студенчества. Рубин говорил о двух моделях поведения, существовавших в конфуцианстве. Одна модель – послушание старикам, вышестоящим. Это то, что всегда мы знали как проповедь Конфуция. Но Рубин считал, что было у Конфуция и другое – проповедь неповиновения, протеста против затхлой безнравственности жизни, готовность на самопожертвование. Вторая модель – *цзюнь-цзы*, Благородный муж, высокий идеал, которым вдохновлялись лучшие умы Китая. Он и обеспечил долгую историческую жизнь конфуцианства. Потом, уже переведясь на востфак ЛГУ, я читала маленькую книжку Рубина «Идеология и культура Китая (4 силуэта)» – о конфуцианстве, даосизме, моизме и легизме [6]. Тоже очень интересно и необычно, совсем не так, как писали о них другие наши учёные (по-моему, их писания представляют большую угрозу для жизни и здоровья мух). Уже во Владивостоке я узнала, что Рубин – диссидент, «подписант», и ходил с каким-то протестом даже на Красную площадь. Затем он уехал в Израиль. Ссылаться на него нельзя. Впрочем, книга никогда не была изъята из библиотек, как другие, и с интересом читалась студентами, не знавшими о «зловредности» её автора. Может быть, потому и не изъяли, что уж слишком была хороша. Именно Рубин укрепил мой интерес к древнекитайской философии, впрочем, весьма «платонический».

Приехав во Владивосток и обследуя академическую библиотеку, я нашла прекрасное издание конфуцианского «Четверокнижия», о котором знала лишь понаслышке. Издание миссионерское, Серафэн Куврэр (1835–1919), конец прошлого (XIX) столетия [9]. На нём экслибрис – «Лысанов». Конечно, какой-то китаец. Китайский текст, латинская транскрипция, чтобы миссионеры знали, как произносить. Тут же переводы – французский и латынь. Каждый фрагмент со всеми переводами – на одной странице. Мне такие издания ещё не встречались. Так как я с детства читаю по-французски, и латынь тоже немного знаю (в объёме «чтобы эпитафьи разбирать» – это

плод моих занятий во время вынужденного безделья времён «культурной революции»), то взяла книжку домой, она и до сих пор у меня. Почитала «Лунь юй». Но очень уж трудно, оставила до лучших времён. Когда-то ведь будет у меня момент проникновения в китайскую философию. Вот разберусь со своими насущными делами...

У Переломова особенно заинтересовали меня страницы, посвящённые «Лунь юй», это было для меня открытием. Оказывается, центральная категория у Конфуция вовсе не *сяо* 孝 (сыновняя почитательность), а *жэнь* 仁. И притом никто не знает, что это такое. Вот это да! Слона-то я и не заметила! Впрочем, у Васильева Л.С.⁹, автора книги «Религии и традиции в Китае» [1], по которой мы учились, я что-то этого совсем не помню (Васильев скучен необычайно, но и необычайный эрудит – как может вместить столько знаний одна голова! Я его уже встречала на конференциях, говорит замечательно, златоуст. Пишет же невыносимо тоскливо.) Даже у Рубина не помню *жэнь*. Так вот, о нём. Оказывается, некоторые переводят *жэнь* как «человеколюбие» или «гуманность». Но это не совсем правильно, условно так считают. Конфуций как-то сказал: «Жэнь – это любить людей». В.С. Колоколов¹⁰ (брат Глеба Сергеевича, с которым я познакомилась у Нины¹¹ перед отъездом в Ленинграде) считал, что это «благорасположенность». Есть и другие варианты. Переломов приводит много цитат, разные трактовки. Всё это для меня ново, интересно. Вот это, кажется, и есть настоящая наука. Я так увлеклась, что даже забыла гнетущее меня. Забыла это постоянное – как же Директору не со...?.. Позвольте?! Совесть? Кто сказал «совесть»? Подождите-ка. Это догадка. Да не о совести ли ведёт речь Конфуций, когда говорит о *жэнь*? Что-то очень похоже! Конечно, надо бы оригинальный текст посмотреть. Ба, да у меня же есть Куврэр! Вот, так пришёл его черёд. Извлекаю с пыльной полки. Переломов говорит, что в «Лунь юй» *жэнь* употреблено 109 раз. Надо все случаи отыскать, посмотреть, сравнить.

С тех пор пошло-поехало. Движимая идеей, я быстро (относительно, на это ушло несколько месяцев) прочитала Куврэра и сделала новый перевод «Лунь юй», очень приблизительный. Но везде у меня получалось не так, как раньше переводили. «Совесть» придала всему новый смысл. В большинстве случаев она легко выписывалась в текст. Иногда не получалось. Но я тут же замечала что-нибудь – то ли неправильную разбивку текста, то ли натяжки, притягивание за уши к «человеколюбию». Я уже почти была уверена, что произошло открытие. Позже я прочитаю, что момент открытия почти неуловим. У меня он запечатлелся чётко. Это надо же, чтобы

так стеклись обстоятельства! Прочитай я эту книгу в другое время – искра бы не высеклась. Слава Директору! «Благословенны препятствия, ибо ими растём» – не помню чьи слова¹².

В командировку я поехала спустя 3 недели. Чудо: конференция была отложена из-за задержки с выпуском тезисов. Это произошло единственный раз за всю её историю. Разве не перст Судьбы? Она состоялась уже по моём приезде в Москву. А я уже искала в Ленинке книги о Конфуции. И книги о совести. Надо было проверять открытие.

Перевод «Лунь юй» я делала уже после возвращения. Месяцы энтузиазма и удовольствия. Я занималась по ночам. Будила сына и читала ему, сонному, свои новые варианты, удивляясь, как же это до меня никто не заметил. Ведь совсем неправильно понимали Конфуция, не о том же он совсем говорил! Валя всегда меня поддерживал, не входя в детали. Ему нравился этот энтузиазм, он радовался, слушал охотно, даже когда будила. Он был уже на третьем курсе.

При переводе приходило много новых мыслей и новые открытия. Вот, например, *чжи* 知, «знание». Да это и не «знание» вовсе. Вернее, специфическое знание, узнавание своей совести. Видимо, правильное назвать его «усовещиванием» или «самоусовещиванием», «осознанием совести», наконец. Ведь оно появляется после совершения ошибки. А *сюэ* 學, знаменитая конфуциева «учёба»? Тоже не «учёба», а изучение обычаев предков, древности. Так набиралось постепенно. Я задумалась о публикации. Наступала осень 1982 г. Не послать ли статью на «Общество и государство»? До сих пор меня с успехом отфутболивали, потому что публикации по современности в тезисах конференции прекратились, хотя выступления продолжались. Произошло разделение «сфер влияния». Всё, что после 1953 (?) – относится к ИДВ¹³, а всё, что раньше – к ИВАНу. Я даже выступала на конференциях (без особого успеха, публику «ивановскую» такие сюжеты не интересовали). Меня замечали ИДВ-вцы. Впрочем, они уже немного знали меня по аспирантуре. Ну, попробую сейчас.

Свою статью я назвала так: «О взаимосвязи понятий «жэнь»–«чжи»–«сюэ» в раннеконфуцианском памятнике „Лунь юй“» [2]. Отослала. Жду с трепетом. «Лунь юй» в моде. Только что вышел сборник «Конфуцианство в Китае» [4]. У меня его ещё нет, читала в библиотеке. Там большая статья Карапетьянца¹⁴ (интересная личность, видела на конференциях), статья Завадской¹⁵ о миссии слова в «Лунь юй». Пишут очень умно. С Карапетьянцем я не очень согласна, об этом в статье упоминаю. Завадская – прелесть. Она говорит, что «Лунь юй» изучается пока только традиционно, его не коснулись достижения современной лингвистической науки. Впрочем, других наук – тоже. Но всё это для меня ещё сложно. Это – другой уровень.

И вот наступает февраль 1983 г. Я в командировке! И как только заявляюсь на конференцию, узнаю, что статья опубликована. Более того, Хохлов¹⁶, бессменный организатор конференции, сообщает мне, что в программе мой доклад – в третий день. Этого, правда, я не ожидала. Надо готовиться.

Незадолго до этого по телевизору какой-то сериал был о физиках. Не помню, у кого смотрела, у нас-то не было телевизора. Видела несколько серий. Там тоже конференция. Совсем домашняя, физики приходят туда с жёнами. И молодая девушка-физик выступает с необычной идеей, которую стараются игнорировать. Но оказывается, замолчать-то её нельзя, это открытие! И я, сидя в зале, вспоминаю сериал. Чувствую, понимаю девушку эту. Думаю: неужели не заметят мою статью, новизну этой идеи? Нет, конечно, не заметят.

На второй день до обеда выдалось свободное время и начались прения. Прения в те годы были бурными, от желающих отбою не случалось. Поэтому-то я так возлюбила эту конференцию, свободный обмен мнениями, интересные, яркие отклики. Никаких чинов, только сущность твоей работы. Потом это всё ушло, года через два. Конференция что-то потеряла. И, между прочим, всё началось с раздела сфер влияния. А потом старшее поколение, эрудиты, перестали ходить на заседания. Всё стало как в других местах, шарм исчез. Когда Валентин¹⁷ начал посещать конференции, этого уже не было.

А тогда выступил Васильев. Он говорил о работе «Головачёвой из Владивостока». Очень соблазнительная идея. Хотя, может быть, это и не так. Надо проверить. Было ещё несколько реплик. У Васильева-то были сомнения в возможности существования феномена совести в Китае в то время. Я радовалась тому, что уже обдумала эти вопросы. В прошлый раз прочитала даже несколько диссертаций о совести и убеждалась, что я права. Вот теперь в докладе надо об этом сказать. Но вообще-то здорово как! Какой молодец Васильев! У него есть чувство нового. Я ликовала.

На другой день – выступление, в котором я сосредоточилась на возможности феномена совести в Китае, опираясь на свои недавно приобретённые знания. Вопросов было много. Кожин¹⁸: «В каком смысле совесть – в трамвае говорят: „У тебя совесть есть?“ Или речь о свободе воли?» Меньшиков¹⁹: «А вот у Лаоцзы Небо и Земля *бу жэнь* 不仁, совершенномудрый человек *бу жэнь*. Что, совести у них нет?» Хорошо, что я читала «Даодэцзин», слава Ян Хин-шуну²⁰, опубликовавшему его с параллельным текстом [8] – небывалый у нас случай! Конечно, у Лао-Цзы может быть другое значение *жэнь*, не обязательно конфуциево. Против меня выступил Кроль²¹. Он сказал,

что в Китае была «культура стыда», это уже доказали Эберхард и Фингаретт (?). (См.: [3]). Выступал Эйдлин Лев Залманович²². Он единственный спросил, как меня зовут. Предложил посмотреть, как понимали старые русские переводчики. Я как-то его выступления упустила суть. В перерыве меня встретил Васильев: «Вы пользуетесь успехом – у мужчин. Вы такие глупости говорили, что я пожалел, что упомянул о Вас». Это замечание относилось к словам из моего доклада о коммунистической нравственности. Холодный душ.

В ИВАНе собирались готовить сборник «Этика и ритуал», я об этом узнала на конференции. Рассказала мне Галя Захарова²³, она как раз приехала на защиту. Слышала разговор в отделе. Говорили, не пригласить ли меня участвовать. Васильев сказал: «Да она совесть от нравственности не отличает». Захарова вмешалась со своей непосредственностью: «Это Вы о Лидии Ивановне так? Напрасно, у неё философское образование». Это заинтересовало. Васильев просил сказать, чтобы я зашла.

Зашла через несколько дней. Холодный приём. Да, такой сборник будем готовить. Но я тем временем посмотрел текст и пришёл к выводу, что «совесть» несовместима со многими местами. Например, с Хуань-гуном. Нет, это не то. Но мы всё-таки поговорили. Я сказала, что он, возможно, не любит Конфуция. Возразил, что нет, наоборот, всё чаще о нём думает: «Попробуйте изложить Ваши взгляды, хотя не думаю, что это у Вас получится. Присылайте». Я попробую.

Я вернулась домой всё-таки как на крыльях. Ещё бы! Столько впечатлений. Меня заметили! Ничего, что потом отказались. Правда на моей стороне. Я должна её доказывать. Надо работать. Я ещё слишком мало знаю. Вот, например, замечание Меньшикова по «Даодэцзину». С этим надо разобраться. Давненько я не брала его в руки, с той студенческой поры, когда писала по нему курсовую работу. Это ещё 1971 (72?), когда я была ещё на философском факультете. В то лето Цзян Ши-лунь²⁴, с которым познакомилась у Люси, записал мне его на магнитофон. Надо взять в библиотеке.

И тут я познакомилась с Кладницкими. Точнее, я познакомилась с Татьяной Владимировной Ивановой. С этого времени началась новая эпоха в моей жизни.

Виктора Моисеевича Кладницкого я увидела в ноябре 1982 г. в Доме учёных на обсуждении романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Это было моё первое посещение Дома учёных. Обсуждение мне понравилось. Его очень умно вела преподавательница ДВГУ. Но особенно понравилось одно выступление. Пожилой мужчина с лысым черепом и необыкновенными глазами. Он говорил как

пророк. Мне вспомнилось слышанное однажды выступление Померанца²⁵. Тоже пророк. Похоже. Так умно, так завлекательно. Я спросила у Нины Григорьевны Балашовой из нашего института, кто это. – А это руководитель клуба «Антропос». Я о нём уже слышала немного. – А это его жена, Татьяна Владимировна... Седая, со следами жёлтой краски на волосах, более чем непритязательно, бедно одетая дама. Она не выступала, но какие-то едкие замечания отпускала сидя, я обратила на неё внимание. Эта старушка в одежде 50-х гг. пришла ко мне в институт осенью 1983 г. и сказала, что слышала о том, что я китаистка, а у них в клубе «Антропос» есть такая программа – «У камелька» называется. Встречи с интересными людьми. Так вот, не приду ли я? Это в Доме учёных, они по средам собираются, в 7 часов. – Расскажите о Китае. – Что же рассказать? Вот, я начала заниматься Конфуцием. Разве о нём? – Это интересно. На полчаса. Можно выступить несколько раз... Договорились.

И скоро состоялось моё первое выступление в «Антропосе». Я не выступала много лет, кроме лекций по положению в Китае, которые начала изредка читать с 1976 г. Конечно, была и аспирантура, и «Общество и государство». Но то всё было о современности, где я чувствовала себя в своей тарелке и имела своё мнение. Теперь же мне предстояло говорить о малознакомом. Много готовилась. Раза три выступала, показывала иероглифы. На занятия ходил Валя, который очень критиковал мою манеру выступления, мои повадки.

Виктор Моисеевич сидел всегда в первом ряду, внимательно меня слушал, ничего не говорил. В перерывах и после окончания занятий все собирались вокруг него, слушали его интересные рассказы. Я тоже слушала. Уже знала, что они с Татьяной Васильевной – доценты кафедры теоретической механики ДВПИ²⁶. В прошлом – знаменитые фокусники. Читают об этом лекции. И ещё другие лекции публичные читают. У них своя печатная афиша.

Однажды они пришли с лекцией в наш институт. Она называлась «Познать себя и властвовать собой». Лекция о самовоспитании и саморегуляции. В то время было повальное увлечение аутотренингом. В «Антропосе» тоже был аутотренинг. Вела молодая врачиха, ей ассистировал молодой студент-медик, первокурсник Гера Сулимов.

Перед лекцией я подошла поздороваться, как знакомая. В.М. сказал, что он хочет показать психологический опыт на внушение. Ему нужен человек. Не соглашусь ли я? Конечно, с удовольствием. А после лекции он хотел бы поговорить со мной. С радостью!

И вот, опыт. Он сказал, что внушать будет только одному человеку. Только он почувствует, а другие должны только смотреть. Ну,

конечно, если доверяют выбранному человеку. Вот, например, Лидия Ивановна: «Доверяете?» ... «Доверяем!» – дружно. В институте я уже пользуюсь некоторой популярностью в «оппозиционно» настроенных кругах. А тут сидит большинство таких. В.М. достал колоду карт, развернул их. Потом сложил. Сверху – король треф. Предложил внимательно посмотреть на него. Я старалась запомнить. У меня ведь плохая зрительная память. Что он потом меня спросит? Надо обратить внимание на детали. А, всё равно забуду! – Теперь посмотрите мне в глаза. Смотрю с громадным интересом. Вспоминаю 1980 г. и лечение от заикания Руси Юзана²⁷. Я была тогда с ним на сеансе внушения. Они тоже смотрели в глаза врачу. Потом я спросила у Руси: «Что было в глазах?» Он сказал: «Глаза у него были страшные». Теперь я смотрю. Глаза как глаза. Страшного ничего нет. Но чёрные, пронзительные, настоящие гипнотизёрские глаза. Смотрят на меня очень напряжённо. Меня чуть не разбирает смех. Наверное, нервный смех. Тихо, но чётко В.М. говорит: «Все короли!» Потом развертывает передо мной веером, мастерски, колоду – там все до одного короли треф. Я говорю: «Все короли». Общий смех. Поверили, но шутят: «Мы же слышали, как Вам сказано было». Так-то так. Но я действительно увидела. Однако поразило меня вовсе не это. Дело в том, что увиденные мною короли вели себя очень странно – они шевелились! Они гримасничали! Этого я не сказала. Потом я поняла природу явления: я восприняла установку, увидела «короля». Но на других картах были другие жесты, лица. Именно смену лиц и жестов, подставляемых под заданный образ, я воспринимала как движение и гримасничанье. Поразительно.

После лекции я ждала разговора. Он был коротким. В.М. сказал: «Я наблюдал за Вами. Молодёжь сейчас интересуется Дао. Вы должны заниматься даосизмом и рассказать нам, что это такое». Всё. Мы распрощались. Когда я возвращалась к себе на «Кировку», в трамвае от меня сыпались искры. А я думала: «Как же я буду рассказывать о даосизме, которого совсем не знаю? По книгам? По Васильеву? Нет, не сумею. Надо посмотреть источники, „Даодэцзин“. Он же дома у меня есть».

Вернувшись, вынула Лаоцзы. И сразу сделала первое открытие в цепи многих потом последовавших. Вот второй *чжан* (глава): «Когда все узнают, что прекрасное прекрасно, появляется безобразное». Да нет, не так. Как же никто не видит? Не так это надо переводить: «Все узнают, что прекрасное прекрасно, когда появляется безобразное!» Вот какая мысль! И у китайцев именно так, а не иначе. Китайский текст положительно возможно так понять. Это было начало многолетних, уже не прерывавшихся занятий «Даодэцином».

Примечания

¹ В 1961–1969 автор жила в Пекине и преподавала русский язык в университете Цинхуа.

² С 1975 автор работала научным сотрудником в секторе Китая Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР (ИИАЭ).

³ *Пушкин А.С.* Стихотворение «NN»:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый – но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготее надо мной.

⁴ Институт научной информации по общественным наукам – ИНИОН АН СССР.

⁵ В 1975 автор окончила с отличием Востфак ЛГУ. До этого она окончила в 1960 Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ).

⁶ Крушанов Андрей Иванович (1921–1991). Историк.

⁷ «Запад» – так называли дальневосточники западную часть СССР.

⁸ Рубин Виталий Аронович (1923–1981). Китаевед.

⁹ Васильев Леонид Сергеевич. Китаевед, сотрудник ИВ РАН.

¹⁰ Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979). Китаевед.

¹¹ Сабурова Нина Сергеевна (1938–2011), однокурсница по ЛИСИ и подруга автора.

¹² Слова из «Агни Йоги», цитируемые в письмах Е.И. Рерих [6].

¹³ Институт Дальнего Востока АН СССР. См.: <http://www.ifes-ras.ru/structure>

¹⁴ Карапетьянц Арсений Михайлович. Китаевед, сотрудник ИСАА при МГУ.

¹⁵ Завадская Евгения Владимировна (1930–2002). Китаевед, сотрудник ИВАН.

¹⁶ Хохлов Александр Николаевич. Китаевед, сотрудник ИВ РАН.

¹⁷ Головачёв Валентин Цуньлиевич. Китаевед, сотрудник ИВ РАН, сын автора.

¹⁸ Кожин Павел Михайлович. Востоковед, сотрудник ИДВ.

¹⁹ Меньшиков Лев Николаевич (1926–2005), сотрудник ЛО ИВ АН СССР.

²⁰ Ян Хин-шун (1904–1989). Китаевед, сотрудник института философии АН СССР.

²¹ Кроль Юрий Львович. Китаевед, сотрудник ЛО ИВ АН СССР.

²² Эйдлин Лев Залманович (1910–1985). Китаевед, сотрудник ИВАН.

²³ Захарова Галина Фёдоровна. Китаевед, сотрудник ИИАЭ в г. Владивосток.

²⁴ Цзян Ши-лунь (1927 г.р.). Китайский художник. С 1955 живёт в Ленинграде. См.: http://www.shilun.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=77&Itemid=112

²⁵ Померанц Григорий Соломонович (1918–2013). Философ, культуролог, писатель.

²⁶ ДВПИ – Дальневосточный политехнический институт.

²⁷ Сын знакомой автора по Китаю.

Литература

1. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
2. *Головачёва Л.И.* О взаимосвязи понятий «жэнь»–«чжи»–«сюэ» в раннеконфуцианском памятнике «Лунь юй» // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1983. Ч. 1. С. 84–91.
3. *Головачёва Л.И.* Герберт Фингаретт и требование «депсихологизировать» Конфуция // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1985. Ч. 1. С. 42–49.
4. Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики / Отв. ред. *Л.П. Делюсин*. М.: Наука, 1982. 264 с.
5. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической жизни Китая. М.: Наука, 1981. 336 с.
6. *Рерих Е.И.* Письма в Америку. 1929 // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/roerich/roerih31.htm>
7. *Рубин В.А.* Идеология и культура Древнего Китая: четыре силуэта. М.: Наука, 1970.
8. *Ян Хиниун.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М., 1950. 159 с.
9. Confucius (attribué à). Les Quatre Livres. Avec un commentaire abrégé en Chinois une double traduction en Français et en Latin et un vocabulaire des lettres et des noms propres. Traducteur: Par S. Couvreur S.J. Lieu d'édition: Ho Kien Fou. Imprimerie de la mission Catholique. 1895. См.: [http://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Couvreur - Les quatre livres, 1895.pdf](http://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Couvreur_-_Les_quatre_livres,_1895.pdf)